

Наталья
АЛЕКСАНДРОВА

Эхо флейты
из Гаммельна

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Эхо флейты из Гаммельна : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-246241-2

Саша Карпова получает загадочное письмо с назначением встречи в кафе «Каналетто» и неожиданно оказывается втянута в цепочку страшных событий. Вместо ответа на вопросы о своем прошлом она находит убитую незнакомку с таким же таинственным письмом.

По ходу расследования Саша узнает, что ее детство, любимая старая книга и исчезнувшие воспоминания связаны с давней тайной, в которой переплелись похищенные дети, демонический Нибрас и вернувшийся из небытия Крысолов. Чтобы выжить и добраться до правды, ей придется собрать воедино разбросанные осколки прошлого и понять, кто за ней охотится.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246241-2

© Александрова Н.Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

В лифте я посмотрела на часы. Похоже, что сегодня я опять опоздаю на работу и начальник обязательно поставит на вид. То есть, увидев меня, он поднимет глаза и укоризненно покачает головой, а потом постучит по своим дорогущим часам и театрально разведет руками — дескать, что случилось на этот раз? Снова авария на транспорте или вашу квартиру залил сосед сверху? Или ваша престарелая тетя вышла выносить мусор и захлопнула дверь и вам пришлось срочно лететь к ней на такси? Не оставлять же старушку одну на лестнице!

А я в ответ буду прижимать руки к сердцу и выражать глазами полное, искреннее раскаяние и обещание, что больше никогда, никогда такого не повторится.

Самое интересное, что ни разу я не врала начальнику про аварию и про соседа, а уж про тетю и подавно. Нет у меня никакой тети. И дяди тоже нету. Если честно, то у меня вообще нет никаких

родственников. Не считая Лелика, но Лелик — это совсем другой случай. Но о нем после, а возможно, что и никогда.

Двери лифта открылись, и я приготовилась бежать, но была остановлена Маркусом. Маркус — это доberman, который живет наверху с тем самым соседом, который фигурирует в наших с начальником разговорах, только сосед никогда меня не заливал. Антон вообще очень аккуратный и обязательный человек.

Маркус — собака серьезная, но ко мне относится неплохо. Сейчас он заскочил в лифт, но не стал ставить грязные лапы на пальто, а только лизнул меня в руку и утащил перчатку. Мне некогда было с ним нежничать, и он понял и не обиделся.

— Слушай, у тебя там письмо из ящика торчит! — крикнул Антон из лифта. — Может, важное?

Почтовый ящик я опустошаю примерно раз в месяц, когда многочисленные рекламные буклеты начинают вываливаться на пол.

Я подошла к ящикам и вытащила письмо, оно и правда собиралось упасть.

Конверт был белый, длинный, глянцевый, вместо марки в правом верхнем углу был нарисован простенький цветок — стилизованная ромашка. Такой цветик-семицветик, как в детской книжке, только в нем не семь лепестков, а пять. Серединка желтая, а лепестки белые, кроме одного, фиолетового.

Адрес на конверте был отпечатан на компьютере. Адрес мой — улица, номер дома, квартира, а дальше стояла фамилия: Аскольдова. Аскольдова А.А.

Александра Алексеевна. Только я не Аскольдова, а Карпова. Рыба такая есть — карп. В магазине продается.

Я стояла и смотрела на конверт. И думала: что все это значит?

Ошиблись на почте? Да нет, адрес мой и имя мое. И фамилия... фамилия, кажется, тоже моя.

Потому что раньше у меня и правда была фамилия Аскольдова. До тех пор, пока меня не удочерили Лелик и Ляля. И дали мне свою фамилию — Карпова.

Лелик и Ляля... так они себя называли, и я так их звала...

Я очнулась от несвоевременных, нежелательных мыслей и потрясла головой. Нашла время размышлять, я же на работу опаздываю!

Конверт я открыла в метро. Там был всего один листок бумаги, на нем несколько слов:

«Завтра, 16:00, Каналетто».

Что такое Каналетто? Вроде бы художник такой был... из Венеции, кажется...

Ага, в Венеции каналы... Вот и он Каналетто.

И я вспомнила, что на канале Грибоедова есть кафе, которое так и называется — «Каналетто».

Значит, кто-то решил назначить мне встречу в этом кафе. Завтра в четыре часа... И что? Ни подписи, никаких объяснений, и он думает, что я побегу в это кафе и буду там растерянно оглядываться и выглядеть полной дурой.

Скорее всего, это чья-то шутка, розыгрыш.

Да, но фамилия... Никто из моих знакомых не знает этой фамилии...

Но все равно я не могу пойти туда в четыре часа, я вообще-то работаю...

Тут я сообразила, что едва не проехала свою остановку, а дальше все мысли вылетели из головы, кроме одной: как бы проскочить в офис, чтобы начальник не увидел и не начал закатывать глаза, качать головой и разводить руками.

И вы не поверите, но звезды в этот раз были ко мне благосклонны, потому что начальника не было. Не было нигде: ни в его кабинете, который отгорожен от общего помещения стеклянной стенкой, ни в общем зале, потому что есть у него такой пунктик: он не вызывает сотрудников к себе, а предпочитает сам подходить к их рабочему месту, говорит, что это более демократично.

А на самом деле все знают, что так начальник просто хочет выяснить, чем сотрудник занимается.

Не было начальника и возле кофемашины, потому что секретарша не носит кофе ему в кабинет, он сам заваривает себе кофе и потом идет через помещение с горячей чашкой, утверждая, что это тоже гораздо демократичнее.

На это в коллективе тоже есть свой ответ, потому что Светка-секретарша обладает совершенно отвратительным характером. Она вечно всем недовольна, вечно у нее кислое лицо, так что, когда она входит в кабинет с чашкой кофе, у начальника небось всякое желание пропадает его пить.

Так вот сейчас начальника нигде не было видно, и когда я столкнулась со Светкой, то увидела у нее на лице самую настоящую улыбку. Обычно-то лицо у нее каменное, не то что улыбки или

добрых слов, а кивка в виде приветствия и то не дожидаться.

— Опаздываешь, Сашура? — пропела Светка.

— Привет, а наш-то где? — одними губами спросила я.

— Не будет его сегодня!

— Что, заболел?

— Хуже! — выпалила Светка, так что я даже остановилась в недоумении.

Что может быть хуже? Не помер же он в одночасье?

— К нему теща приехала! — пояснила Светка. — А это такая тетка — ужас, летящий на крыльях ночи! Ты не знала, что ли?

— Откуда? Я и жену-то его ни разу не видела...

— Это точно, ты у нас не так давно работаешь, а мы тоже ее не видели. Думали даже, что ее вообще нету, пока Аделаида из бухгалтерии не сказала, что в паспорте она есть, а штампа о разводе нету.

— Раз теща есть, то и жена должна быть, — сказала я, а потом посмотрела на календарь и поняла, что сегодня пятница, стало быть, завтра суббота, то есть выходной.

И это хорошо, потому что я могу пойти к четырем часам в кафе «Каналетто» и выяснить, кто прислал мне загадочное письмо и что ему от меня надо.

Потому что было у меня минутное поползновение выбросить злополучный конверт вместе с письмом в мусорный бак, если бы... если бы не фамилия.

Фамилия Аскольдова была у меня до тех пор, пока меня не удочерили Лелик и Ляля. И я стала Карповой, как они.

Но про это я уже говорила.

Было это больше двадцати лет назад, и в новую школу я пошла уже под новой фамилией, так что мои одноклассники не знали, что родители у меня приемные.

Лелик провел со мной серьезную беседу и очень просил никому про это не рассказывать. Да и сама я понимала, что ничего хорошего не выйдет, если окружающие узнают правду.

Некоторое время меня доставала женщина-психолог. Меня водили к ней каждую неделю, и она задавала какие-то странные, бессмысленные вопросы. А когда я осмелилась и спросила ее, знает ли она, кто мои настоящие родители, что с ними случилось, она долго смотрела на бумаги, выложенные на столе, потом закрыла папку и сказала Лелику, что больше меня приводить не нужно.

Лелик был только рад.

Я спрашивала психолога, потому что ничего не знала о своем раннем детстве. Больше того, я мало что помнила. Не было у меня ни воспоминаний, ни фотографий, и мелькало в словах психолога выражение «детская травма». А в чем там было дело, никто не говорил.

В общем, единственное, что я помню, — это фамилия. И только потому, что нашла как-то в Лялиных вещах какую-то старую справку.

Начальник не явился в офис даже после обеда, так что мы прекрасно провели время. Как все время говорит Светка: каким образом по одной путевке

может отдохнуть двадцать человек? Если эту путевку приобретет начальник.

До обеда мы еще пытались что-то делать, а после обеда пили кофе и сплетничали про начальника. Потому что к нам зашла Аделаида из бухгалтерии и кое-что про него рассказала.

Оказалось, что жена у него как бы есть (вот видишь! — ткнула я Светку в бок), но, с другой стороны, ее как бы и нету. Потому что жена его не то археолог, не то палеонтолог, не то еще кто-то, в общем, она что-то выкапывает — не то камни, не то кости — и потом это исследует.

Причем выкапывает она это не в Ленинградской области, а в Африке. Или в Азии, а может, вообще в Австралии, словом, очень далеко. И очень редко бывает дома. А теща живет в другом городе и приезжает иногда погостить, причем отчего-то время выбирает точно тогда, когда дочери ее нету дома.

«Странная женщина», — сказали мы хором, но Аделаида только хмыкнула и не стала дальше развивать эту тему, возможно, потому что рабочий день кончился.

Ночью мне приснился странный, тягостный сон.

Мне снилось, что я иду по вымощенной камнем ночной дороге. Дорога эта залита лунным светом — густым, обманчивым, превращающим знакомые вещи в удивительные и волшебные. Лунный свет заливал дорогу, как серебристая вода, и я иду по колена в этой светящейся воде, преодолевая ее сопротивление.

Я иду по этой дороге не одна — вокруг меня много детей, которые идут туда же, в ту же сторону, что и я, так же, как я, расплескивая ногами лунный свет...

И я... я тоже ребенок.

Я вглядываюсь в лица тех, кто идет рядом со мной... но как раз лиц у них нет, на месте лиц — белые маски, маски без глаз, без ртов, без каких-то примет.

Куда мы все идем и почему?

Куда — никто из нас не знает, но идем мы потому, что нас зовет какой-то голос...

Голос, которому невозможно сопротивляться. Чудесный, волнующий голос, обещающий радость и надежду...

Мы пойдем за этим голосом куда угодно...

Впереди из лунного света возникает отвесная каменная стена. В этой стене темнеет круглое отверстие... вход в темноту, в неизвестность.

Я не хочу идти туда — но голос, тот самый волшебный голос, зовет меня, зовет нас всех...

И передние ряды детей послушно идут за этим голосом, послушно входят в темный зев пещеры.

И я вхожу туда...

И снова, как много раз до того, сон становится разорванным, обрывочным.

Я вижу темные сводчатые коридоры, освещенные дымными факелами. Нигде никаких окон... видимо, это подземелье...

Я знаю, что я здесь не одна — ведь я пришла сюда в толпе, — но сейчас я больше никого не вижу...

Я бреду по этим коридорам, пытаюсь найти выход, сворачиваю раз за разом...

И вдруг передо мной возникает новое и пугающее видение.

Кафельный пол... и на нем растекается красная лужа... кровавая лужа...

Я вскрикнула — и проснулась.

Проснулась дома, в своей комнате, в своей постели.

И только свет, волшебный и обманчивый лунный свет, заливал комнату, как заливал дорогу из моего сна...

Я отдышалась, снова легла, не надеясь опять заснуть...

Но тем не менее почти сразу заснула и на этот раз не видела больше никаких снов.

— Сделайте же наконец что-то с этими крысами! — булочник герр Мюллер стукнул кулаком по столу. — Мы несем ужасные убытки! Если вы не справитесь с крысами, мы будем разорены! Мы, добропорядочные горожане, жители Гаммельна...

— Мы перепробовали уже все средства! — советник герр Краузе опустил голову. — Мы поручили борьбу с крысами городскому палачу. Он ставил крысоловки, но ни одна крыса в них не попала; он разбросал отраву в местах, где этих созданий больше всего, но передохли только кошки, крысам хоть бы что; он выписал из Нюрнберга особенного пса-крысолова, но крысы сожрали этого пса...

— Но скоро мы все разоримся! За что мы платим налоги?

Заседание городского совета длилось уже третий час.

Члены магистрата обсуждали главную проблему города — невысказанно расплодившихся крыс...

Мало того что мерзкие грызуны поедали припасы — они собирались огромными стаями и нападали на людей...

Вдруг в зал совета вошел сторож Ганс и, деликатно откашлявшись, проговорил:

— Господа советники, там пришел какой-то чужеземец, он хочет, чтобы вы его выслушали.

Герр Краузе недовольно взглянул на сторожа.

— Ты что, не видишь, что мы заняты важным вопросом?

— Но, герр советник, этот чужестранец утверждает, что пришел именно по этому вопросу.

— Откуда он знает, о чем мы говорим? Впрочем, коли так, пусть войдет! Мы его, так и быть, выслушаем.

Сторож вышел, и почти сразу на пороге зала появился странный человек. Долговязый, сутулый, с длинными сальными волосами, в долгополом поношенном камзоле, тут и там покрытом разноцветными заплатами, которые делали незнакомца похожим на ярмарочного шута.

Лицо его, с длинным крючковатым носом и круглыми темными внимательными глазами, приводило на память какую-то большую любопытную птицу или, скорее, огромную крысу.

— Что вам угодно, сударь? — осведомился герр Краузе, оглядев пришельца.

— Мне угодно предложить вам свои услуги, — ответил незнакомец странным каркающим голосом. —

До меня дошли слухи, что вас изводят крысы. Я могу избавить вас от них. Раз и навсегда.

Герр Краузе переглянулся с остальными советниками, затем проговорил:

— Сударь, вас послал сам всемогущий Господь! Крысы и правда измучили нас. Мы терпим от них огромные убытки и невыносимые страдания. Но как вы намерены от них избавиться? У вас есть какая-то особенная отравка?

— Это мой секрет, господа. Но уверяю вас, я очень быстро избавлю ваш город от этих мерзких существ. Но предупреждаю вас: мои услуги стоят недешево.

— Мы готовы заплатить сколько угодно, лишь бы избавиться от этой напасти!

— Хорошо, господа. Если вы согласны заплатить мне двести гульденов, я возьмусь за эту работу.

— Двести гульденов?! — переспросил герр Краузе и переглянулся с остальными советниками. — Однако! Это очень большие деньги. Слишком большие...

— Что ж, если вы не согласны — я пойду... предложу свои услуги в другом городе...

— Нет-нет, сударь! Мы согласны. Но учтите — мы заплатим вам только в том случае, если вы изведете всех крыс. Всех! И ни пфеннига аванса!

— Разумеется! — незнакомец кивнул.

— Что ж, по рукам...

Когда крысолов вышел из ратуши, члены совета заговорили буквально в один голос:

— Однако двести гульденов — это очень дорого!

— Мы несем очень большие убытки из-за крыс, и, если он действительно избавит от них город, мы

будем в выигрыше. Кроме того, вы ведь слышали — мы обещали заплатить только в том случае, если он изведет всех крыс. Всех! Неужели вы думаете, господа, что этот длинноволосый чудак сможет сотворить такое чудо?

На следующее утро я спала долго, потому что решила не ходить на фитнес, как-то мне стало лень. Знаю, что это плохо, но отчего-то проявила слабость. Возможно, потому что приснился мне тот самый сон.

Этот сон я раньше видела часто и каждый раз пыталась выяснить подробности. Но ничего не получалось, только какие-то обрывки: залитая лунным светом дорога, потом темные сводчатые коридоры, освещенные факелами, огромное пространство без окон, то есть, очевидно, оно находилось под землей. И я точно знаю, что не одна, но не вижу людей и не слышу голосов, только ощущаю чье-то присутствие...

Потом вдруг все заливают очень яркий свет и я просыпаюсь.

Но на этот раз во сне было что-то новое — кровавая лужа на кафельном полу...

Давно я не видела этого сна, с тех пор как стала жить самостоятельно. Новая квартира, новая работа, новые друзья, все новое... Ну не помню я своего раннего детства, так и что с того? Скорее всего, там и вспоминать нечего.

И вот снова этот сон.

Так что я почти решила пойти на встречу в кафе «Каналетто».

Но потом мне снова попался на глаза злополучный конверт, и кто-то невидимый как будто твердил в голове: «Не ходи, не ходи никуда, будет плохо...»

Не могу сказать, что я слишком доверяю этому голосу, но что, если эта встреча поможет мне что-то узнать о себе самой?

Другой вопрос, нужно ли мне это знать... Мне, в общем, и так неплохо.

И тут я вспомнила, что во всех спорных и сомнительных случаях мне есть с кем посоветоваться. С кем — или, точнее, с чем.

С самого раннего детства — вернее, с того времени, с какого я себя помню, — у меня осталась одна единственная вещь.

Книга.

Я выдвинула ящик стола, запустила руку в глубину и нашарила там ее, эту самую книгу.

Небольшую книжку карманного формата, в мягкой глянцевой обложке.

На этой обложке был нарисован какой-то мрачный средневековый город. Темные каменные дома с крутыми черепичными крышами, вымощенная булыжником улица, а по этой улице сплошным потоком идут бесчисленные крысы...

Большие и помельче, старые и совсем маленькие, размером с мышку. Все они целеустремленно шли в одном направлении.

За то время, что я ею пользовалась, эта книга здорово истрепалась, но название вполне можно было прочитать: крупными готическими буквами на обложке было написано «Флейта крысолова».